

AlmaZa

*Вечная
сказка.
Биение сердца*

*две повести,
выдуманная
и настоящая*

AlmaZa
**Вечная сказка. Биение
сердца. Две повести,
выдуманная и настоящая**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27809123

ISBN 9785449006363

Аннотация

Обе повести рассказывают о любви, но совершенно по-разному. Одна о мистической и нереальной, другая о самой простой и человеческой. И всё-таки между ними так много общего, ведь любовь – и на небесах, и на земле – остаётся любовью.

Содержание

Вечная сказка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Вечная сказка.
Биение сердца
Две повести,
выдуманная и настоящая**

AlmaZa

© AlmaZa, 2017

ISBN 978-5-4490-0636-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечная сказка

Лунный свет розоватым лучом падал на неровный круг лесной чащи. Сквозь ветви он переплелся кружевом на серебрищейся траве, до этого укутанной ночным покрывалом. И тогда из глубины мрака, рассеянного тонким, но ярким месяцем на небе, вышла она.

Лухань протянул руку перед собой, но пространство обманывало его, играя в иллюзии, и сияющая девушка его грёз шмыгнула меж деревьев. Он двинулся следом, но почему-то не получалось передвигаться так же быстро и легко, как она. Ноги раздвигали высокий папоротник и спотыкались о корневища, волнами бугрящиеся из земли. Они как будто не существовали для неё. Поэтому он гнался, словно за тенью. Но она была не отсветом и не ложным следом, а живой и дышащей. Лухань ускорился, но от этого лишь чуть не упал. Какой чародей заколдовал это место? Или его? Или её?

Тонкий, как звон колокольчика, смех, поманил его глубже, ещё, дальше. Молодой человек сделал шаг, и ветка хлестнула его по лицу. Обвисающая крона ивы преградила путь, и пришлось раздвинуть её, подобно занавеси. Перед взором расстелилась опушка, искрящаяся волшебными огоньками светлячков. Лес кончился и из-за склона, обрывающего опушку, внезапно появились лучи солнца, первые, нежные, ещё не горячие. Они обрисовали её силуэт, восходя за её

спиной. Девушка подняла ладони вверх, открываясь, распахиваясь для него. Лухань смелее поспешил вперед и, наконец-то, ухватился за её пальцы, не веря счастью, что настиг, поймал. Как редко это получалось у него! Как постоянно он желал этого...

Лукавая усмешка тронула её губы и растаяла быстрее утренней росы. Парень окончательно хотел стереть её поцелуем, который так жаждал получить, но возлюбленная увернулась. Она обмякла в его руках, но не позволила пока получить награду за этот бег, за изматывающее преследование, которое он совершал из раза в раз. Девушка потянула его вниз, и они опустились на поляну, которая внезапно перестала быть колючей и тернистой; пушистая, как соболиный мех, удобная, как перина, трава покорила их телам. Лухань лег на спину и, поняв, что земля не холодна и не остра, перевернул возлюбленную на лопатки. Она улыбнулась теплее, проведя рукой по его золотящимся в блеске солнца волосам. Молодой человек опустил ладони на её бедра и стал пальцами несмело гладить белоснежный подол, ничуть не оскверненный и не запачканный. Земля словно стеснялась испортить чистоту этого утра и любви, поселившейся в нём.

Парень сжал возлюбленную в своих объятьях. Её длинные волосы рассыпались под ней, сияя на зеленой траве, и он запустил в них руки. Его губы опалили её скулы, виски и спустились поцелуями к ямочке у края рта. Она закрыла глаза и принимала его ласки, слегка сдвигая лицо и подставляя

уста. Они, наконец, впервые коснулись друг друга. Впервые в тысячный раз, как и каждый их тысячный первый раз, который будет оставаться таким, пока не станет правдой.

Они приподнялись и упали рядом друг с другом, смеясь беззаботно, как дети. Ложась на бок, молодой человек взорился в глаза девушки, проведя ладонью по её щеке, и утопая в её взгляде. Любовь затмила всё: прелесть утра, свет солнца, необходимость дышать. Только её красота и желанное обретение. Вот и всё. И весь мир за пределами этой сказки, где его руки сжимают её изящную фигуру, губы покрывают лицо поцелуями, а плечо трогает её плечо. Пульс стучит в унисон, даже если такого не может быть. Даже если они не единое целое, а лишь мужчина и женщина – тут, сейчас, в этом странном, но понятном сне, они существо слившееся, неразлучное.

Она воскликнула его имя, и воздух поймал слово, передав его эху. Парень чувствовал, как её прохладные пальцы касаются его плеч, но глаза его всё ещё были в её глазах, загадочных, далеких, близких только для этих минут. Он был рядом с ней, но вместе с тем далеко. Это ломающее расхождение! Как так происходило, что когда ты находишься вдали от человека, ты можешь думать, что он всё-таки с тобой? Это сумасшествие, тайна, но они были и не были вдвоем.

Солнце загоралось всё жарче, поднимаясь и поднимаясь, и их руки, сплетенные и ласковые, стали разниматься...

Яркий свет пробудил его, и Лухань открыл глаза. Это настоящее, бесцеремонное солнце ворвалось в окно и обрушило его из мечты в реальность, в странную комнату с накрытыми белыми простынями предметами мебели. Старинный рояль был единственным, на чем лежала пыль, а не ткань. Черный лак потрескался на углах и отскочил маленькими кусочками, расходящимися от прорех трещинами, сморщившись, как старик. Лухань подошёл к зеркалу, с которого полотно съехало на половину и висело на овальной раме. Он увидел тень себя, прозрачную и невесомую, лишь абрис человека с просматриваемыми чертами молодого юноши. Он был призраком, обитавшим в этом брошенном доме, веками ломавшем его судьбу так, что он застрял в нем навечно, силой какого-то проклятия. Разделенный с ней, той, которая должна была быть где-то рядом, потому что в прошлой жизни они умерли вместе, но, как и всегда, почему-то отсутствовавшая... сколько это будет длиться? И почему в этот раз Лухань не вырвался из мира мертвых, а она возродилась вновь? Он знал, чувствовал, что возродилась... но где же? Где, кроме его сна, в котором он ещё в силах ощущать что-то физически, она обитает?

Проведя по зеркалу невесомой рукой, которая прошла сквозь него, Лухань в отчаянии бросился к окну, потревожившему его покой тем, что пропустило солнце. Он не мог открыть его, не мог распахнуть двери, не мог покинуть этот дом. Будь ты проклято, несчастное место! «Если ты не вы-

пускаешь меня, то верни в эти стены её. Верни её мне, о небо!» – опустился на ветхие половицы коленями призраком и бесслезно зарыдал, пряча бледное лицо в бестелесных ладонях.



Сбежав из дома на вечер после ссоры с родителями, я бродила по окрестностям, как любила это делать. В порванных на коленях джинсах, кедах, с феничками на запястье, каждая из которых имела для меня свой особый смысл, я шаталась по району, изучая глаза домов – темные днем окна, зашторенные и раззавешенные, большие и маленькие, открытые в жаркий полдень и закрытые. Я любила переходить от современных кварталов к более старым, где духом былых времен дышал каждый кирпич, каждая крыша, каждый карниз, особенно если они были обломаны, прогнили или частично обвалились.

Вон тот кургузый дом стоит тут лет пятьдесят-семьдесят. Ему требовался ремонт, но он явно не был нужен кому-либо. Вон тот пенсионер с заколоченными ставнями точно отжил своё. Жмурясь на солнце, я купила бутылку минеральной воды и продолжила путь по дороге, то возвышающейся, то опускающейся на холмах города. Я бывала тут и раньше, хотя в последний раз давно. Кое-какие детали я уже не узнавала. Один особняк дождался благодетеля и вокруг него де-

ловито выстроились леса. Рабочих сейчас не было, зеленая сетка висела там, где сохла штукатурка. Тротуар повел меня вниз. Ох уж эти родители! Иногда мы совершенно не можем найти общий язык, и потом мне часами не хочется возвращаться в их общество. Иногда мне хочется свой собственный дом, но семнадцать лет – маловато для самостоятельности. И всё же, ничто не мешало мне быть мечтательницей и гадать, какими были прежние хозяева покинутых семейных гнездышек, а, может, там и не жили семьи, а лишь одинокие и мрачные люди? Могла бы я жить одна на целых двух или трех этажах? В настоящем замке? Нет, замков тут не было. По крайней мере, того, что принято ими называть. Самым напоминающим нечто подобное пожалуй был... я остановилась, задрав голову, чтобы сделать последний глоток и, опустошив бутылку, завертела её в руке. Да, вон тот домище! Серый, оббитый плющом и глициниями, сиреневыми и розоватыми. Мне эти цветы кажутся волшебными. Они как меховое манто дворянки, лежат на козырьках и свисают с них гроздьями. И окна у этого дома удивительно целые... Но что это?

Мне показалось, что в одном из них кто-то есть. Я видела светящееся лицо, которое простояло несколько секунд за стеклом и исчезло. Там тоже идёт реконструкция? Или покупатели нашлись и изучают то, что намерены приобрести? Я подошла к ограде, разделяющей дорогу и дом. Между ним и оградой пролегли метры нестриженого газона, запу-

ценного, разрушившего выложенную когда-то ровно плиткой дорожку к главному входу продирающейся в щелях травой. Двери казались неотворяемыми уже целое столетие. Пожалуй, этот великан был самым долгожителем. По архитектуре можно было предположить, что он возведен в начале двадцатого века. Неужели уцелел по время войн и революций? Я взялась за прутья, чтобы приблизить лицо, но вдруг что-то словно вошло в меня через руку и я, теряя сознание от сильного гула в ушах, закрыла глаза...

С пугающим жужжанием моторов, самолёты пронеслись над самыми крышами, едва не задевая их своими животами. Если бы высунуться было возможно, то в кабинах завиднелись напряженные лица летчиков в бипланах Ки10. Когда они обстреливали бегущих солдат, но на их губах уродливо расплывались улыбки. Я зажалась в самом дальнем от окон и глухом углу комнаты, в которой всё было перевернуто так, словно врывались грабители, но никого, кроме меня, не было, с тех пор как родители с младшими братьями и сестрами сбежали в укрытие. Я не последовала за ними. Я ждала. Даже сейчас, когда на улице грохотали выстрелы и бомбежка, я смотрела на дверь, не отрывая глаз. И она открылась.

Лухань вошёл, всматриваясь внутрь со страхом, боясь, что никого не найдет и не увидит. Но в то же время, в его взгляде на миг промелькнуло успокоение, что он не увидел

развороченные трупы и мертвецов с пулей во лбу. Кусая концы пальцев дрожащих рук, я вынырнула из-за стула, которым на всякий случай прикрывалась, если разлетятся окна и полетят осколки. Бросаясь вперед, я зарыдала, обхватив Луханя за плечи, переведя руки на шею, утыкаясь в его закопченное от вездесущего в разгромленных улицах дыма лицо, пыльную шею. Из-под каски виднелись отросшие и свалявшиеся волосы, цвет которых было не разобрать, но я помнила, помнила!

– Ты вернулся, господи, ты вернулся! – зашептала я, целуя каждый доступный сантиметр, даже его воротник и одежду. Меня ещё нервно трясло, и я омывала слезами пахнущее гарью и порохом обмундирование.

– Почему ты здесь? Почему ты до сих пор здесь?! – схватил он меня за лицо и поднял его, желая посмотреть с упреком, но он растаял в слезы, тоже навернувшись на его глаза. Лухань бросился целовать мои щеки, я цеплялась за его запястья, закрывала веки, и из уголков глаз лились слезы.

– Разве я могла уйти? Разве я могла уйти... Я думала, что если я это сделаю, то ты вернешься и не сможешь найти меня. Что мы никогда уже друг друга не найдем...

– Я нашёл бы тебя где угодно... только бы ты была цела... тебе нужно уйти отсюда! Здесь небезопасно. Все давно в убежище...

– Теперь можно, теперь можно, – повторяла я, оглушенная счастьем его присутствия, не слышащая уже рокота

войны совсем рядом. Я не хотела думать больше ни о чем, только бы Лухань оставался рядом. Я едва выжила этот год без него, после того, как его призвали на фронт. Я прожила десятилетие ада за его отсутствие, и смерть уже была милее разлуки.

– Идём. – Взяв меня за руку, он осторожно вывел нас из квартиры. Подъезд превращался в труху, ступеньки кое-где провалились, все краски стали коричнево-серыми от постоянно поднимавшейся при сотрясании бомбами земли, клоками выгнутые перила, словно оплавленные, выбоины цемента и куски кирпича. Всё хрустело и шурило под ногами. Я смотрела вокруг, как слепая, впервые увидевшая свет. Я три дня не выходила наружу, доедая последние крохи еды и воды, потому что трубы давно пробили при обстреле, и воду добыть было очень сложно среди ставших руинами построек.

– Почему ты не переоделся в гражданку? – Посмотрела я на плечо, затянутое в зеленоватую униформу военного. – Если ты наткнешься на японцев, тебе будет конец, а так... гражданских могут взять в плен... почему ты не переоденешься?

– Я китайский солдат! – Обернулся он ко мне, ступив на порог подъезда. – Я никогда не стану прятаться и скрываться! Это честь и гордость, что я защищаю свою страну!

– Лухань, посмотри вокруг... какая гордость?! Мир горит

в огне... тысячи погибли!

– И половина моего взвода! – Дернул он меня за руку, так что я налетела на него. Он обнял меня, прижав к груди. – Я видел столько смерти... уверен, что ты тоже... разве теперь что-то имеет значение? Ты рядом. Мне ничего уже не страшно. Ничего.

– Я люблю тебя, Лухань, – дребезжащим голосом прохрипела я. Мы с минуту простояли под дверным косяком. При любых обвалах и крушениях – это самое безопасное место. Но во время войны таких мест нет. – Скорее, нужно уйти в убежище... ведь больше идти некуда?

– Нет, надо дожидаться подкрепления, дня два или три, и, возможно, наши оттеснят японцев. – Мы осторожно побежали, пригибаясь и прячась за столбами с оборванными линиями, за перевернутыми машинами и раскуроченными тумбами, на которых когда-то висели афиши. На тротуарах валялись убитые люди. Большинство не были военными, это были просто те, кто попадал под пули, под осколки, под ненависть врага. Я боялась взглядываться, чтобы не увидеть знакомых. А ещё хуже – родных. Лучшие я буду верить в то, что они добрались до укрытия, спаслись.

Наше перемещение сопровождалось грохотом, отдаленными криками надрывных голосов, то ли идущих в атаку, то ли предсмертных – я даже языка не понимала, наш он или чужой? Где-то в соседнем переулке разносился скрип

танковых гусениц. Меня бросало от него в холодный пот, потому что он обычно сопровождался выстрелом и огромный разряд разносил в щепки стены, ранил десятки жителей.

– Нам нужно на ту сторону, – указал Лухань на параллельно идущие здания. – Бомбоубежище же там?

– Кажется... – согласилась я. Он дернулся туда, но я поймала его за руку. – Постой. Может, не пойдём туда? Можно укрыться где-нибудь ещё...

– Ну, ты чего? – Улыбнулся он мне, проведя ладонью по щеке и скуле. – Это самое надежное место из оставшихся. Осталось немного пройти. Идём.

– Лухань... – Нехотя пошла я за ним. Покореженная дорога зияла ямами. Да, теперь тут могла бы пройти только специальная техника. Не то, что раньше, когда я с подружками спешила на танцы в атласных туфельках, когда вон там на углу продавали сладости, когда вместо тусклой дыры, подобной пасти окаменелого чудовища, красовалась витрина цветочного магазина. Когда в городе царил жизнь, а не смерть.

Вдруг совсем рядом с Луханем проскочила со свистом пуля и ударила в фонарный столб.

– Снайпер! – закричала я и потянула возлюбленного назад. Он развернулся, чтобы бежать, но в этот момент вторая пуля ударила ему точно в грудь. Туда, где застегивалась пуговица на кармашке, туда, где билось сердце. Наблюдая с разрывающимися от ужаса глазами, как он выгибается

в спине и падает назад, я всё ещё держала его за руку и тянула к себе, но вес его тяжелеющего тела не поддавался и я, заорав его имя, повалилась сверху, прикрывая собой Луханя от каких-либо ещё бед. Но было поздно. Я не хотела понимать, но чувствовала, что поздно.

– Беги... пожалуйста, беги! – попросил он меня, упав на спину, прямо посередине дороги, открытой всем ветрам.

– Нет! – Замотала я головой. – Нет, я без тебя никуда... я сейчас подниму тебя, и мы пойдём вместе...

– Беги... – повторил он, бледнея и закатывая глаза. Я затрясла его, приводя в чувства. Нет, это всё не на самом деле! Такого не может быть! Я ждала его, так ждала целый год... я... я всего дважды целовала его до этого, я не могу вот так потерять его!

– Лухань, прошу, давай, найди в себе силы, пойдём... я умоляю тебя... помнишь, помнишь, ты писал мне, что эсенишься на мне, когда вернешься? А про детей? Ну как же... – Я снова плакала, но уже беззвучно. Ресницы мокли и мешали мне четко видеть его лицо, и я терла глаза, чтобы они не застилались этой завесой. Слыша меня, Лухань слабо улыбнулся и его взгляд остановился. – Лухань! Лухань! Нет, прошу... пожалуйста!

Около нас, где-то возле бывшей булочной, раздался сильнейший удар, после того, как над головами пронесся очередной самолет. Выброшенная из него бомба, наверное, должна была обезвредить остатки солдат, находящихся где-то

неподалеку, но не попала в цель и разорвалась за моей спиной. Сотни острых осколков вонзились в меня и один из них, разрезая плоть, прожег мне сердце, спасая меня от более ужасной боли смертью. Все картины происходящего оборвались вместе с этим метким попаданием.

Я открыла глаза, осознав, что не свалилась с ног. Рука отпустила прут, за который взялась. Ошарашенная, я отстранилась от ограждения. Жар и холод волнами обдавали меня. Я прижала ладони к щекам. Они были мокрыми. Когда я успела заплакать? Я... я же была той девушкой, которая бежала вместе с солдатом! И я так остро ощущала боль! Я осмотрела себя, убеждаясь, что в порядке. Почему мне казалось, что я не просто знаю их, а что они – это часть меня? И Лухань... голова заболела при попытке воссоздать его лицо. Но я ведь только что его видела! Воспоминания терялись так стремительно, что стало жутко. Я посмотрела на дом, с которого всё началось. Я ведь хотела рассмотреть его получше... был ли он одним из тех разбомбленных во время войны? Тогда его отстраивали заново, хотя и не меняли изначальной задумки. Кто же был в окне? Не знаю, сколько я простояла здесь, но никто так и не вышел, а нутро по-прежнему выглядело нежилым.

Не в силах противостоять бессознательному порыву, я закинула ногу на каменный фундамент ограждения и, оглядев-шись, чтобы никто меня не засек за вторжением в частную

собственность, принялась перебираться на территорию вокруг молчаливого особняка, манящую полуденной дремой и бликом лучей в наблюдательных окнах.

Двойные кованые двери оказались открытыми. Вернее, одна из них. Вторая не поддавалась, а первая легко пошла вперед, стоило мне немного толкнуть её. Никогда прежде не входя ни в какие дома без спроса, я несмело заглянула внутрь. Там мог оказаться кто угодно, от риелторов и агентов купли-продажи, до бродяг, ищущих себе временные приюты в заброшенных зданиях. Окрикнуть кого-нибудь или лучше не привлекать внимания? Просторный зал прихожей, с недостижимыми потолками, тянущимися вниз хрустальными люстрами, был тенист, пропуская свет сквозь зарешеченные большие окна, но перед ними разрослись самшитово-тисовые нестриженные гиганты, и они не только не пропускали солнце на первый этаж в достаточной мере, но и отняли свет холодным зеленым цветом. Он падал на паркетную плитку, придавая ей малахитовые переливы. Вокруг властвовала старина. Широкая лестница вверх с завинченными перилами и серо-мраморными ступенями веяла прохладой. Неужели ступени, в самом деле, каменные? Я видела такое только в музеях. Наверное, тут жил когда-то кто-то богатый. А сейчас? На втором этаже виднелось больше света, и это поманило меня к себе. Я любила яркое солнце. Возможно, остались портреты или следы от прежних вла-

дельцев, фотографии или личные вещи. Я ничего не собиралась брать, лишь посмотреть. Шаги звучали до потолка цокотом подкованных копыт. Какое запустение в сонных просторах... Но в нем здорово чувствуется уединение, ради которого я убежала из дома. Побывать в тишине, никто не пристаёт и не трогает.

Я поднялась наверх. Анфилада комнат налево и направо. Полуколонны с позолоченными пилястрами обрамляли стены с дорогими обоями, хотя они не везде сохранились. Похоже, что это вообще ткань. Ничего себе! Глядя отделку царской обстановки, я двинулась вдоль окон, выходящих туда, на дорогу с которой я пришла. Моё видение могло быть ошибочным. Блики, лучи или тень от листвы каштанов падали на стекла и выткали рисунок лица. Даже пыль на подоконниках была нетронутой. Единственные, кто могли пробегать – мыши. Я огляделась вокруг себя. Старинный рояль, выглядящий темным пятном, кляксой, среди мебели, накрытой белыми простынями, пустые стены и большое овальное зеркало, как восточная девушка, пытающаяся спрятать лицо, натянувшее на себя материю до середины. Только вертикально, а не горизонтально. Словно кто-то пытался стянуть её, но передумал, или отвлекся, или не сумел. Я подошла к нему нерешительно. Возник кратковременный страх, что не увижу себя в нём, но это разыгралось моё воображение и, когда я встала перед зеркальной поверхностью, то увидела своё отражение во весь рост. Разводы пыли амальгамой

мутили изображение, и я подошла ближе. Сколько лет ему? Рама выглядит чуть ли не старше самого дома. Барельефные узоры с патиной. Рука сама протянулась потрогать её, когда за ней, в отражении, я вдруг увидела кого-то. Вскрикнув, я резко обернулась, надеясь, что мне показалось. Но неясное видение никуда не делось.

В прозрачном воздухе, невесомо и неощутимо, словно из мельчайших частиц времени и осыпающейся штукатурки, стоял молодой человек и я, уже почти забывшая мираж на улице, поняла, что вижу перед собой того самого Луханя. Луханя, который погиб, спасаясь на войне. Оторопев и ужаснувшись, я отступила, стукнулась спиной о зеркало, испугалась и этого, забыв, что позади меня что-то есть. Я не верила глазам и принимала увиденное за голограмму. Как и она, он был трехмерным, движущимся и просматриваемым насквозь. Что за обман зрения?

– Черт... – прижалась я к стене, к которой отступила. Он, парень, водил головой за моими перемещениями, и не будь он сам красивым и выглядящим дружелюбно, это всё напоминало бы кошмар. – Что здесь происходит? – Я задрала голову и осмотрела все углы в поисках проектора. Чего-то, что создавало бы данную иллюзию.

– Ты вернулась... – произнесло это нечто, имевшее облик парня, но явно отличное от человека по составу и сути. Он двинулся ко мне.

– Стой, где стоишь! – вытянула я руки. Он остановился. –

Кто ты такой? Что творится в этом доме? – Не отвечая, Лухань, или тот, кого я за него принимала, покосился в зеркало и, недовольно отвернувшись, сказал мне:

– Я призрак. Разве не видно?

До меня доходило сказанное минут пять. Замершая, я изучала его, прорвавшегося посланника потустороннего мира, глазами, тяжело дыша и прикидывая, доставать святое распятие, читать молитвы или щипать себя, чтобы проснуться? Поразмыслив здраво, я нервно засмеялась.

– Ну, конечно! Привидений не существует. Что за фокусы? – Я огляделась ещё раз. Откуда-то же должны падать направляющие? Хоть одна лампочка? Но, вообще-то, без темноты такое воссоздать сложно. – Ты запись?

– Запись? Тогда почему я говорю с тобой и всё понимаю? – Поняв, что подходить ко мне не стоит, Лухань остался там, где и был. – Неужели ты не помнишь меня? – Его брови сошлись к переносице и глаза кричали о чем-то. Что-то трагичное, что-то болезненное и кровоточащее, как стигматы, появляющиеся без причин, сочилось из его взгляда.

– Что я должна помнить? – насторожилась я. Он тоже видел тот эпизод войны? Он знает его?

– О том, кто я... кто ты... Разве ничего нет в твоей памяти?

– Как твоё имя? – не выдержала я. Со мной разговаривал воздух! Смутный силуэт, сюрреалистическая оболочка, мистический субъект гримуаров! И я говорила с ним. Как с че-

ловеком. С кем-то разумным и живым, хотя назвать это существо живым было никак нельзя. Его не существовало!

– Лухань. – Меня пронзил укол в сердце. Как в том бреду, что накатил на меня на улице. Раскаленный осколок от бомбы и я, в слезах и мольбе, чтобы он не умирал... Этого не может быть. Просто не может!

– Нет, это не правда... я ведь не та девушка... мы ведь не погибли во время войны? – Я замотала головой, отбиваясь от возвратившихся картин, превращавшихся в мои собственные воспоминания. Но как это случилось? Мне так мало лет, откуда я знаю о войне? Я не верила в прошлые жизни. До сегодняшнего дня. Лухань смотрел на меня, не сводя глаз, будто ожидая, что я сама приду к окончательному умозаключению, без подсказок. И когда моё лицо стало выдавать, что я поддаюсь вере в невозможное, его взгляд согрелся, как мог бы потеплеть взгляд мученика, с сожалением глядящего на разделяющего его муки и собирающегося погибнуть вместе с ним. – Так... мы... любили друг друга во время войны? Мы умерли тогда?

– Мы любили друг друга всегда, – тихо произнес Лухань и вытянул руку. – И умирали много раз. Хочешь ли ты вспомнить ещё что-то?

Завороженная его странными словами, я отстранилась от стены и, сделав шаг, посмотрела на его протянутую руку. Не знаю, настоящий ли он призрак или моя галлюцинация – как печально сойти с ума в столь юном возрасте! – но, ка-

жется, вреда он не причинит. Разве может нанести вред тот, кто не имеет плоти? Я протянула свою руку навстречу, осторожно подводя пальцы к пальцам. В тот миг, когда они достигли друг друга, я поняла, что не ощущаю его. Лухань был лишь видимостью, но не телом. Он был совершенно нереален, и мои пальцы проходили сквозь его ладонь. Испугано подняв глаза, я увидела, как трясутся его губы, как он водит из стороны в сторону головой, умиравший вместе с надеждой нежилец. Он хотел ощутить что-то, хотел почувствовать, но не смог. На мой язык подкрадывались сожаления, но тотчас, едва я собралась забрать свою руку обратно, в меня вошла очередная волна, подобная той, что затопила моё сознание у ограды. Вихрь и темнота стали поглощать разум, забирая мой дух и швыряя его куда-то далеко-далеко.

– Быть наложницей императора – великая честь! – сказал отец, отталкивая меня в сторону дворцового распорядителя. Вместе с ним стояла стража, готовая принудить меня силой, если понадобится. Я, словно намагниченная, вернулась обратно, цепляясь за отца, но тот, не дав обнять себя, пихнул меня сильнее. Я упала в его ноги, плача и умоляя, чтобы он сделал что-нибудь, чтобы не отдавал меня во дворец.

– Прекрати стенать, девчонка! – подхватил меня под плечи поверенный императора и потянул на себя. – Ты замечена самим владыкой Поднебесной! Смеешь ли ты лить

слезы? – Но я не слушала его.

– Отец, прошу тебя! Отец... Лухань!

– Замолчи! – Он, который был моим родителем и защитником, подошел и ударил меня по лицу, грозно сверкнув глазами. – Я не знаю о ком ты! Тебя ждет великое предназначение!

Но он знал. Знал, что я была обручена со своим возлюбленным, который отъехал получить в столицу повышение, чтобы вернуться ко мне, и мы могли соединиться. Но в тот момент, когда он уехал, меня заметил император, проезжавший мимо всего однажды и посетивший наш дом. Дом высокопоставленного чиновника. Будь проклята эта высокородность! Заметив меня, правитель пожелал меня себе. Сделать одной из многих, тех, что посвящают свою жизнь одному-единственному – ублажать его, немолодого, не слишком красивого и требовательного, временами жестокого и быстро остывающего к тому, что распяляло ещё вчера. Но всякая наложница надеялась родить сына, получая возможность сделаться императрицей. Мне на это было всё равно, я не представляла себя без Луханя. Я не видела своей жизни без него, принадлежа другому. Я едва успела написать письмо ему, но если оно не дойдет, если он не получит его? А даже если получит, то что сделает? Что он сможет? Нет, я зря отослала ему послание. Пусть лучше думает, что я пропала, умерла, но не обещана другим, не делю ложе с другим, не изменила возлюбленному.

Я рыдала в повозке, увозящей меня от родного дома, от юности, от счастья и, казалось, от самой жизни. И тогда я приняла решение, как поступлю, когда наступит решающий момент. Я ни за что не отдамся императору.

Прошло две недели, прежде чем обо мне вспомнили и, в лабиринтах коридоров и комнат, до меня добрался устроитель вечеров императора, оповестивший, что этой ночью меня призывают в царский альков. Оторопь взяла меня и, уверенно и храбро, в отличие от всех последних дней, что я сокрушалась и предавалась горестям, я определила свою судьбу, посмотрев на нож, лежавший на столике. И вот, когда я была наряжена в подобающее платье, подготовлена и ждала служанок, традиционно сопровождающих выбранную девушку, неизвестно как, будто чудо в стране безверия, будто осуществленная мечта, со стороны балкона в комнату вошёл Лухань.

– О! – воскликнула я, едва не теряя сознание и обрушившись на ковры. Мой возлюбленный стремительно пересек спальню и бросился на колени рядом со мной. – Ты... как ты пробрался сюда? Лухань, солнце моей погасшей жизни...

– Я хорошенько заплатил одному человеку, но это неважно! – Он приподнял меня и прижал к своей груди. – Я прочел твоё письмо... я мчался, загоняя лошадей... почему твой отец не запер тебя? Почему отдал ему? Почему? – Он мужчина, он держался и задавал вопросы со стойкостью и немислимой сдержанностью, но я слышала слезы его го-

лоса. Они вторили моим, явленным, мокрым и соленым.

– Он хотел этого... он хотел... – прижимаясь к Луханю, простонала я. – Уходи... за вторжение в покои императорских женщин тебя убьют, как изменника! Уходи, прошу!

– Я никуда не уйду без тебя, никуда! – Он, конечно же, заметил, что в моём алом рукаве был спрятан кинжал. Он не мог не чувствовать его, целуя мои руки. Он понимал, на что я шла и к чему приготовилась. Мы сомкнули объятия и, не жалуясь и не сетуя на судьбу, замерли, понимая, что ничего уже не изменится и нам не спастись вместе. А по отдельности для нас выжить смысла не было. В этот момент вошла стража, приведшая служанок.

Разумеется, за измену императору – казнь. Никто, посягнувший на честь императора, не может остаться жив. Ни польстившийся на наложницу, ни наложница, подпустившая к себе кого-то, кроме своего государя. Смерть. Это то, что встретили мы несколько дней спустя, после унижительных допросов и мучительных пыток, в которых пытались оправдать друг друга. Но всё было предрешено. И счастье наградило нас своим подарком, назначив казнь на один и тот же час. Я умирала, видя, как умирает он и была спокойна, как и Лухань, ведь мы надеялись на то, что встретимся на другом свете, на мосту в мир иных, по которому пойдём в вечность, взявшись за руки...

Задыхаясь от боли и горечи, я пришла в себя. Теперь

быстрее, чем после первого видения. Лухань стоял передо мной, никуда не девшийся, поделившийся со мной воспоминанием. Но хуже всего было другое – вместе с памятью возвращались не только картинки, не только фрагменты чего-то чуждого. Вместе с памятью возвращались чувства, режущие и расковыривающие душу насквозь, мои собственные чувства невыразимой и безграничной любви к Луханю. К призраку, плывущему напротив меня, которого я не знала ни на грамм. Которого я знала целые тысячелетия.

– А теперь, – сказал Лухань, – теперь ты вспомнила, кто ты?

Я поводила лицом слева направо, не отрицая данность, а показывая, что не могу поверить до конца в то, что всё это правда. Прошлые жизни, переселение душ, не одной, а сразу двух, параллельно, из века в век. Да, не всегда нас звали именно так, как сейчас, но в то перерождение, что было во время войны, в конце тридцатых годов прошлого века, нас звали точно так же. Я была почти самой собой, с тем же лицом и именем. Неужели такое бывает? Я могла отрицать видимое, ведь случаются с людьми разные расстройства, приводящие к иллюзиям, миражам. Я могла не поверить в осязаемое, ведь и органы иногда могут обманывать. Но чувства, разбуженные где-то в душе, я отринуть не могла. Я любила Луханя. Всё моё существо и сознание стремилось к тому, чтобы соединиться с ним, быть с ним.

– Почему... почему это всё произошло? – Я провела рукой

перед собой, надеясь, что задену его, что пощупаю хотя бы краешек плоти, тепло кожи, упругость руки, но ладонь моя прошла сквозь, вызвав всплеск сожаления на лице Луханя. Да и на моём тоже. Хотелось уцепиться за что-то, ухватить рукав его фланелевой рубашки, в которой было бы очень жарко в летний сезон, стоявший на улице, и он мог терпеть подобное одеяние, только если ничего не чувствовал.

– Я не знаю, – огорченно опустил прозрачный взгляд Лухань. За ним я четко видела узор обоев, его тело не загромождало подоконник за его спиной. У него не было тела, была лишь субстанция, способная нести информацию, говорить, знать, помнить и... любить? Неужели всё, что осталось от жизни в этом юноше, это его разум и чувства? Его светло-медовые волосы, как он ни поворачивал голову, оставались не шелохнувшимися, прядка к прядке. – Я не могу вспомнить первую и последнюю наши жизни. Я не помню, с чего всё началось, и не помню, почему я застрял где-то... где-то здесь, в этом мире одной ногой и второй в другом, почему ты ушла без меня? Я не помню! – Лухань сжал виски пальцами и, надавив на них, затряс плечами в беззвучных всхлипах. – Я не могу даже почувствовать себя... я не ощущаю собственных касаний к самому себе... ничего... я обезумел от этого ужаса... сколько тебе лет? – резко поднял лицо он, оправдывая взглядом, полным кошмара, что рассудок его едва выдерживает происходящее.

– Семнадцать, – с болью в голосе произнесла я. Как ему

помочь? Как сделать что-нибудь, чтобы он обрел материальное воплощение? Лухань, мой любимый... единственный. Секунды шли, а прорвавшаяся плотина из прошлого не прекращала заливать моё сердце невысказанной и недосостоявшейся любовью. Она усиливалась и усиливалась, растекаясь по таким далям души, о существовании которых и не подозревают.

– Значит, я уже семнадцать лет томлюсь в этом доме... семнадцать лет! – Лухань подошел ко мне и, забывшись, попытался взять за руку, но наши кисти разошлись. – Проклятье... – Он задержал ладонь рядом с моей, не отводя, наивно сжимая и разжимая пальцы. Мои губы дрогнули, оплакивая эти бесплотные попытки. Именно бесплотные. Нефизические, нереальные. Я сама подняла руку, интуитивно догадываясь, что он хотел сделать. Он жестами потянул меня к стулу возле рояля и я, выставя руку так, словно держалась за него, дошла до стула и села. Лухань опустил передо мной на пол, скрестив ноги. – Семнадцать лет я ждал, и вот, ты рядом... – Он посмотрел в мои глаза и, как-то внезапно и счастливо улыбнулся. – Что ж, всё остальное уже неважно. Мы вместе, хоть раз за все воплощения на более продолжительный срок, чем на несколько дней... ты ведь не покинешь меня?

– Я не смогу остаться здесь, мне нужно домой... – произнесла я, хотя самой не хотелось уходить. Не хотелось возвращаться домой, ходить в школу. Да и где мой дом теперь? Он

там, где Лухань. Здесь. Оставьте нас с Луханем, вдвоем, навсегда. Это именно то, о чем я, плача, молилась все те жизни, и вот, мы обрели друг друга, но не в силах даже коснуться губами губ. Его нет. Лухань призрак, не способный ощутить и дать почувствовать. Грудь стиснули железные тиски страданий и гнева. Почему?! Почему всё так?

– Но ты вернешься? Ты можешь уходить, только возвращайся. – Он положил ладонь мне на колено. Скорее удерживал на нужном уровне, потому что иначе она бы провалилась насквозь. Я не чувствовала никакого веса.

– Если я уйду, ты ведь не исчезнешь? Не растворишься? – Я тоже положила ладонь на колено, и мы, как будто, сцепили наши руки. – Мне страшно, Лухань. Если я потеряю это... Я не хочу уходить.

– Я провел здесь столько лет... я никуда не денусь.

– Мне кажется, что мы столько раз говорили это друг другу, и всё-таки разлучались, погибали, умирали и рождались вновь, чтобы не обретать, а терять, раз за разом. Почему ты не победил смерть? – Слезы сковали горло. Сползя со стула, я плюхнулась на пол рядом с Луханем. – Почему ты не пошел за мной?! Почему я живая, а ты... ты со мной только наполовину. Как ты мог бросить меня в этом мире одну?

– Я не знаю, прости. – Он заводил руками, глядя, обнимая, представляя, что это всё имеет смысл, но ничего не менялось. Плохой сон не становился хорошим. Он оставался таким, каким снизошел. – Прости, если бы я знал, как пре-

одолеть это, как это получалось раньше? Но я понимаю, что вселиться или родиться по своему усмотрению у меня не получится. Так не бывает. Я пытался, когда однажды сюда забралось два мальчишки, но ничего не вышло... а покинуть дом у меня не получается... если бы вспомнить, почему!

– Нет-нет, если бы ты сейчас родился, то мне пришлось бы тоже прождать лет семнадцать, не меньше! – Я испуганно округлила глаза, задержав руки возле его туманного лица. Всё равно не смогу дать ему свою нежность, только видимость, жест. – Я не проживу без тебя так долго. Теперь уже нет. Я не хочу терять тебя, никогда больше не хочу! – Заплавав, я обняла воздух перед собой, наполненный цветными частицами того, кого я любила в вечности. – А что, если мне присоединиться к тебе... это куда проще...

– Нет, нет, ты что! – Лухань вскрикнул, как от чего-то ужасного. – Даже не думай об этом! А что, если твоя душа снова переселится, не взяв мою с собой? Я потеряю тебя снова. Да, ты можешь прекратить свою жизнь, а я свои мучения остановить не в силах. Я обречен... я ничего не могу с собой сделать. Ничего! – Мы замолкли, надрываясь от эмоций, непосильных для наших хрупких душ. Это было слишком тяжело, и невозможно утешить, мне его, ему меня, всего лишь обняв, поцеловав в щеку. Это невыносимо. Это убивающе. Это умирание без причин, без болезни. От боли.

– Что нам делать, Лухань? – тихо спросила я. – Помоги мне найти ответ. Мы должны найти его вместе.

– Всё, что я могу, это дать тебе воспоминания об остальных реинкарнациях. Кроме первой и последней. Ты хочешь?

– Да, я хочу, – не думая, кивнула я. Всё, что связано с ним, с нами, с нашей любовью. Мне нужно это.

Он поднял ладони и выставил их перед собой, будто мы собирались играть в ладушки. Я тоже плавно подняла свои.

– Я попытаюсь...

– Я хочу захлебнуться в этих воспоминаниях, потому что в них мы одинаковые, мы вместе. Пусть на короткое время, но полностью, нераздельно. Чем их будет больше, тем лучше... сколько их было?

– Десять... две ты уже видела, значит, осталось восемь. И две я не знаю сам, но я каким-то чутьём угадываю, что они есть. Ещё две. Возможно, в них была бы разгадка. – Мы свели ладони в воздухе.

– Неважно, дай мне всё, что имеешь сам. – Мы посмотрели в глаза друг другу.

– Мою любовь, – произнес Лухань. – А в ней всё, что я имею. И кроме неё у меня ничего нет.

– И прошлое, и настоящее – только в ней. – Внутри меня закрутились вихри. Я ощутила покалывание на кончиках пальцев, и организм стал терять вес, осязание. Я тоже превращалась в такой же сгусток любви. И ничего кроме. – Наша жизнь – это любовь, давай же хоть ненадолго забудемся в ней?

Дрогнув, он закрыл глаза и, засияв слегка, став чуть раз-

личимее обычного, излил из себя энергию, впившуюся в меня, через суставы, кости, сосуды, сразу из кончиков пальцев в мозг и сердце. С болью и странной резью, я провалилась в очередное путешествие по ушедшим эпохам, прорываясь сквозь темноту и холод, леденящую тишину и отсутствие кислорода. Напрягая все свои силы, я захватала ртом живительный ветерок, когда передо мной открылась картина моей жизни, не принадлежащая мне настоящей, но настолько подлинная, что я, ведомая невидимой судьбой, подчинилась её законам и, вновь и вновь, прожила тот сценарий, который был предложен.

* * *

Не выдержав мук и горечи, трагизма смерти и разлук, я открыла глаза после четвертого видения. Я не могла этого выносить, за один раз слишком много. Слёзы текли из моих глаз градом. Я вновь и вновь прожила расцвет влюбленности, её созревание до всепоглощающей любви, которая становилась апогеем наших судеб, и решающим моментом, после которого всё шло на спад, вниз, к смерти. Неважно, какой это был век, девятый или шестнадцатый, восемнадцатый или тот, в котором по земле ещё ходил Кун Фу-Цзы¹, мы одинаково, но по разным причинам, не могли остаться вместе. Погибал либо он, либо я, либо мы оба, и в тех случаях, если погибал один, то другой, по стечению обстоятельств или

¹ Конфуций

добровольно, спешно прощался с жизнью. Создавалось ощущение, что душа была одна на двоих, поэтому второе тело не может продолжать дышать и двигаться, когда половина души испарилась к небесам. Что же в этот раз не так? Я посмотрела на Луханя. Он задавался тем же вопросом.

– Это невыносимо, – прошептала я. Мы опустили руки, всё ещё сидя напротив друг друга. – За что это всё?

– Возможно, мы были большими грешниками в первой жизни. Я пытался самостоятельно разгадать этот порочный круг. Наверное, мы совершили святотатство или прогневили Бога...

– Бога?! – Я поднялась, горько ухмыляясь. – И ты веришь в его существование после всего этого? Да ни один грех не стоит такой расплаты! Даже если мы были злодеями и убили кого-то. За одну смерть можно расплатиться одной смертью! А не бесконечно, раз за разом... – Я опять начала плакать и Лухань, поспешив подойти ко мне, провел ладонью возле моей щеки. Конечно, он не мог смахнуть слезу.

– Пожалуйста, не расстраивайся. Я... я смотрю на это и ничего не в силах сделать. Это так мерзко, чувствовать себя мужчиной, но не быть им... во мне нет ничего, кроме мужского духа. Это отвратительно. Пожалуйста, не страдай хотя бы из жалости ко мне. – Я воззрилась на него, стряхнув ресницы влагу.

– Какая жалость? Я люблю тебя, и ради этой любви я сделаю всё. Всё, – повторила я, и мы замерли. Мы оба были го-

товы на всё, да только представления не имели, есть ли спасительный рецепт от подобного. Как может соединиться материальное с неосязаемым? Столетия, тысячелетия ученые, философы и разные мудрые мужи бьются над проблемой души, её реальности, её поиска, того, куда отправляются люди после смерти. Пытаются вызывать привидений, устраивают спиритические сеансы, медиумы, сенсоры, полтергейсты. Никто не нашёл, никто не ответил. Даже великий Гудини не смог вернуться к своей жене, он, знавший все фокусы бренного бытия. А Лухань ко мне вернулся. Как, зачем, почему? Солнце за окном поблекло, зайдя за облако или переместившись на ту точку, которая уже не даёт прямого света в эту комнату. – А что... что если один из нас не поверил другому, что любовь живет в душе? Что, если мы пообещали доказать друг другу, что нас не волнуют деньги, титулы, красота, удобства или что-то ещё. Что если настоящая разница между нами, ты такой, а я вот такая – это для того, чтобы убедиться, что мы любим несмотря ни на что? Без касаний и любых пошлых подтекстов.

– Ты думаешь?.. – Лухань немного улыбнулся. Я старалась найти хоть какую-то зацепку, чтобы облегчить его участь. Он был прав, мне сейчас проще. Покончить с собой, как угодно это сделать, и всё, что-то изменится и процесс моих перерождений сдвинется, а он застыл. Произошел сбой. – Знаешь, а мы же ни в одной прежней жизни... не доходили до физической любви.

– Думаю, что просто не успевали, – покраснев, заметила я.

– Я и не говорю, что не хотели, – тоже смутился он и опять присел на пол. Я вернулась туда же, к роялю, и села рядом. – Но теперь, ты права, если и были какие-то сомнения, то они исчезли. Не обладая ничем, мы любим друг друга.

– Мы сможем так, правда? – Обнадеживающей полуулыбкой приподняв уголки губ, я легла вдоль ножек рояля, на бок.

– Ну, кажется, у меня нет выбора, – грустно посмеялся Лухань, ложась совсем близко, впритык. Если бы он имел хоть какую-то плотность, я бы почувствовала её, но ничего не исходило. Ни запаха, ни тепла, ни даже гулко-сердцебиения. – А сможешь ли ты? Ты жива, и твоя жизнь...

– Без тебя ничего не значит. – Глядя друг на друга, молча разглядывая контуры лица, рта, линию носов, лбов, подвижных век, загнутых ресниц, мы ухватились за то, что нам дано, единственное, что оставалось, но даже это было огромнейшим счастьем, подобного которому я в этом своем воплощении ещё не испытывала.

– Тебе не скоро ещё домой нужно? – просяще поинтересовался Лухань.

– Я пробуду до заката. Иначе отец будет кричать и возмущаться. – Он понимающе покивал. Мои брови опустились, изогнувшись от неприятного осознания. – Если бы я могла как ты, не пить, не есть... только быть здесь, с тобой. Я бы никуда не уходила. Никогда.

– Не говори так. Это страшно. И мучительно. Не чувство-

вать вкуса еды, не мочь влить в себя и стакана воды. Если бы я не знал, каково это, было бы хорошо. Но я помню прошлое, я ещё помню какие-то ощущения, и я хочу этого снова. Но это невозможно.

– Мы найдём способ. Найдём, – пообещала я. Это первый день, мы только нашлись, мы только встретились. Впереди целые годы, всё будет в порядке. Всё образуется.

Я пробыла в странном особняке до темноты. До последнего луча заката и, когда свет померк, Лухань стал немного ярче, выделяясь на мрачных стенах без освещения.

– Завтра. Во сколько ты придёшь? – Спускаясь со мной по лестнице, плывя по воздуху без каких-либо усилий, провожал он меня до дверей.

– Пообедаю дома после школы, и сразу же сюда. – Я обернулась, прощаясь. Пожать руку, поцеловать в щеку, похлопать по плечу. Лучше и не пытаться уже. Только лишние испытания для нашего терпения.

– Я буду ждать! – сжимая полупрозрачные кулаки, саднящим голосом изрек Лухань, не желая отпустить меня.

– Я буду торопиться не меньше, – заверила я от всего сердца, выходя за порог и прикрывая за собой. Хоть бы ничего не случилось, и это не было сном! Каким бы тяжелым он ни был, лучше такой, чем сумбурный и бессмысленный сон о реальности, в которой нет того, кого можно любить так сильно, что время и пространство сдаются, превращаясь

в дополнительные измерения любви, а не преграды.

* * *

Едва очутившись в прихожей, я присела, чтобы разуться, и тут же встретила отца, вышедшего из зала на звук моего возвращения. Я ушла из-за ссоры с ними, так что начинать разговор не спешила.

– Где ты была? – возмущенно встал он в проходе.

– Гуляла, – бросила я, стянув кеды и приготовившись пойти дальше, но папа не пропустил.

– Ты время видела?

– Видела... – пробормотала я, опустив глаза.

– А совесть у тебя есть?! – Он посторонился, видя моё нетерпение. Я поспешила шмыгнуть внутрь, к своей спальне. – Где ты гуляла? Ты будешь со мной говорить или нет? Куда ты пошла? Не смей больше пропадать так надолго! Ты меня слышала? – Я захлопнула дверь своей комнаты и, приклонившись к ней спиной, перевела дыхание. Мои строгие родители терпеть не могут, когда я не отчитываюсь о том, где и как провожу время. В прошлом году они даже умудрились пару раз проследить, точно ли я хожу к подруге и веду себя прилично. Стыдясь того, что меня встречают из гостей, я перестала посещать одноклассниц и предпочитала звать их в гости сюда. Но как мне было объяснить то, что я буду ходить в заброшенный дом и шататься по нему часами? Пы-

таться рассказать правду и думать нечего. Мой отец вызовет экзорциста, а мать психиатра. Но это всё неважно, я не буду упоминать и словом о Лухане. Наша любовь осилила столько испытаний. Неужели я не справлюсь с регулярными побегами из дома?

Затаив дыхание, я толкнула дверь, не зная, что обнаружу за ней. Что если мне всё приснилось и повторения тому не будет? Но Лухань стоял передо мной, радостно улыбающийся, посреди холла, где когда-то, наверное, стоял круглый тяжеловесный стол, на котором каждые три дня менялись благоухающие цветы в фарфоровой белой вазе с сине-золотой росписью драконами и цветением слив. Лухань был здесь, но, увы, всё такой же призрачно-прозрачный, пронзенный видом ступеней за ним, подобно помехам на телевидении рябящим на его изображении. Я переборола себя и удержала свою хотевшую упасть улыбку, чтобы не огорчить его. Он разве что не закружился в воздухе вокруг меня, подлетев и засуетившись на месте.

– Как я рад, что ты пришла!

– Неужели ты сомневался? – Мы посмотрели друг другу в глаза. Это напоминало мне трюк с трехмерной картинкой, за которой можно разглядеть что-то иное; если концентрироваться на кареглазом взоре, то перестаёшь замечать, что сквозь него что-то неестественно просматривается.

– Вдруг ты приняла всё за видение, – всплеснул он ви-

димостью рук. Ведет себя, как молодая хозяйка, впервые принимающая гостей, не знающая, что предложить, куда позвать. Ему хочется создать мне ощущение уюта, спокойствия и счастья. Мне хочется провести пальцами по его волосам, броситься ему на шею и обнимать, пока не заболят мои плечи и его ребра. Невозможно. Я сильнее натянула губы, не лишая их нужного выражения.

– Только не после вернувшихся воспоминаний и того, что они притащили за собой. – Я шагнула, заново осматривая дом, к которому ещё не привыкла. Всё было, как и вчера. К сожалению. Ничего не ожило, не вернуло жизни ни себе, ни моему возлюбленному, светлой тенью поплывшего за мной к лестнице.

– Ты не рада... – робко предположил Лухань. Поставив ногу на первую ступеньку, я посмотрела на него, следующего со мной рядом. – Не рада, что вспомнила.

– Ничего подобного! – горячо заверила я. Сейчас мне казалось, что я была калекой без знания о себе прошлой. О настоящей себе, которая ничем не отличалась в прошлом от той, что здравствует в этом дне. – Я люблю тебя, Лухань! Как я могла существовать без этого? И зачем? Не говори так. – Моя ладонь поднялась, запоздало опознав отсутствие плотности того, к кому попыталась прикоснуться. Парень проследил за движением и чуть померк. – Это всё неважно! – поспешно сказала я и зашагала вверх. – Мне всё равно, ощущаю я тебя или нет. Мои чувства от этого не меняются. Я

буду с тобой всегда, каким бы ты ни был.

– Разве это не странно? – Я остановилась на середине, поправив на плече рюкзак. Лухань несмело пожал плечами. – Что можно ничего не ощущать, но всё равно чувствовать. Нет, ты можешь... в тебе есть всё, всё, чем любить... а я? Ничего нет. А я всё равно как будто бы человек... его подобие...

– Ты мой любимый человек, – надсадно сказала я, опустив брови и разглядывая его влажными глазами. Страшно. Мне всё ещё каждую минуту страшно. Но не от сверхъестественности происходящего, а от того, что он пропадет, исчезнет, что-то случится с нами такое, что вновь оборвет нашу встречу, память. – Идём, там солнечнее...

Я побежала быстрее, а ему не нужно было и ногами шевелить, чтобы не отставать. Им двигала мысль, внутренние указания. Хотя внутри чего бы им быть? Скорее внешняя энергия, как-то связанная с чем-то вечным, питающаяся откуда-то из далёких пространств, возможно оттуда, где обитает разгадка и загвоздка нашей трагедии.

– Я сказала родителям, что погуляю с подружкой, – остановилась я возле рояля, как и накануне. – Отец был недоволен моим поздним возвращением, поэтому сегодня придётся пойти домой раньше. Только не подумай, что я хочу этого... я бы осталась тут до тех пор, пока мы не нашли способ...

– А если мы его не найдем? – прервал меня Лухань, присев на пол.

– Найдем! – убежденно сказала я и, лишившись этой уверенности в связи с тем, что она из меня наполовину вылетела громким заявлением, опустилась на стул, сняв рюкзак и швырнув его под музыкальный инструмент. – Неважно. Я уже сказала тебе. Кто бы ты ни был по сути в этот раз, я буду с тобой.

– Тебе было бы проще полюбить другого, – отвел глаза он.

– Очень смешно! – Хлопнула я ладонями по джинсам. – Десятки веков не могла, а тут с разбегу так и сделаю!

– Прости, мне непривычно это всё. – Лухань стиснул губы, мелко задрожавшие и выдавшие, что он где-то в душе плачет. Впрочем, где же, как не вот в этой оболочке, разве она ни есть та самая душа? – Я ничего не могу сделать. Не с какой-нибудь ситуацией, в которой оказался слаб. Я просто ничего-го. Не могу. Сделать.

Сползая со стула на колени, я очутилась перед Луханем. Отойдя от шока, я в эти сутки оказалась более заряженной верой в лучшее, той, которая могла поддержать и на которую не повлияешь вот так безысходностью, сбивая с пути. Но его я могла понять. Семнадцать лет одиночества, ожидания, непонимания, страха и мучений. Семнадцать лет ада. Даже если он начнет орать и вести себя, как безумец, я буду терпеть и смотреть на это с любовным состраданием.

– Как ты провел ночь? – отвлекла его я и он, дрогнув, повел головой в сторону. – Выспался?

– Если я не могу устать, могу ли я выспаться? Я не знаю,

как назвать то состояние, в которое я попадаю, как призрак. – Лухань сделал движение вдоха. Но он же не дышал, как неживое создание, поэтому подъем груди и возвращение её в начальное положение – скорее воспроизведение человеческих привычек, выразившее эмоциональную подоплеку. – Я брожу по этому дому, пока вдруг не проваливаюсь во что-то сродни сновидению. Каждую ночь оно одно и то же. Я бегу за тобой, чтобы воссоединиться. Каждый раз это удаётся. Это хороший знак, правда? – с надеждой обратился он ко мне. Я кивнула. – Но я уже знаю, что как только всё происходит, я возвращаюсь в сознание и продолжаю пребывание в этом состоянии. А там, во сне, я всё ощущаю. Я там целый... то есть, владею самим собой, телом. Материальным. Поэтому я хитрю и предпочитаю бежать за тобой размереннее, ловить тебя медленнее... Потому что после этого солнце будит меня, всегда будит! – Лухань недовольно посмотрел на окно. – Не люблю его! Зачем оно врывается так бесцеремонно?

– Хорошо тебе. Ты хотя бы во сне со мной можешь быть, – погладила я воздух там, где сидел он. Однажды я почувствую его, я знаю, я должна. Если он не обретет тканевые клетки, эпидермис, структуру, то я субстанционально растворюсь, чтобы сойтись с ним в качестве и подойти, как ключ к своей замочной скважине. Каким образом? Пока неизвестно. Но это цель, на которую не жалко положить жизнь. Жизнь! А что, если я буду стареть и страшнеть, а Лухань останется неиз-

менным? Тогда, наконец, он полюбит другую. Даже призраки могут менять привязанности, разве нет?

– Хоть какая-то компенсация, – с задержкой среагировал он. – Но есть ещё воспоминания... в них ведь ты тоже всё ощущала? И нас вместе...

– Да, но когда мы были вместе достаточно? Каждый раз испытываешь только боль, разлуку, смерть... Ты заметил, что эпизоды, не относящиеся к нам обоим, не возвратились в память из тех жизней? Я совершенно ничего не могу сказать о тех девчонках, которыми была, кроме того, что они любили тебя. Знаю, как они – то есть мы – встретились, познакомились, как всё шло и чем закончилось. Но ничего несвязанного с нами.

– Да, это так, – согласился Лухань. – Ты хочешь увидеть четыре оставшихся судьбы?

– Не сегодня, – отказалась я. – Я не готова. Это очень тяжело.

– Понимаю.

Мы погрузились в молчаливое созерцание друг друга. Иногда заговаривали, но негромко и ненадолго. Всё ещё переживали встречу, очередное обретение. Всё ещё боялись, что эта очередная находка создана для того же, что и предыдущие – чтобы потерять. Ловушка мерзкого рока. Я не могла представить, что сделаю на этот раз, если история повторится. Поднимется ли у меня рука на себя? Возможно, если я убежусь, что Лухань растворился насовсем. Иначе же буду

ждать столько, сколько понадобится. И искать. Если он испытывал подобное так долго, то и я не стану облегчать свою участь. Мы всё разделим поровну.

* * *

– Я принесла книги, – устроившись на полу второго этажа, мы легли рядом на животы, и я положила два тома перед собой и Луханем. Снова придя к нему на следующий день, я немного успокоилась, что изменений не происходит. Ладно, что их нет в лучшую сторону, главное, что и в худшую нет сдвигов. – Умные книги о реинкарнации и метемпсихозе.

– Я не смогу переворачивать страницы... – напомнил молодой человек печально. Укорив себя за оплошность, я посмотрела на обложки, соображая.

– Тогда не получится оставить тебе их, а сейчас я буду переворачивать за обоих. – Улыбнувшись, я вселила в него бодрость, и он ответил тем же. – Итак, с чего бы начать? Мудрые люди прошлого, мне кажется, были ближе к духам и потустороннему, поэтому попробуем найти то, что нам нужно, у них. Индусы и древние греки много писали о душе, её трансформациях и закономерностях. Я спросила в библиотеке всё, что упоминает эту тему. Начну вот с этого: Плу-тарх, Платон, Немесий Эмесский и другие античные философы о душе. А тебе индусов. Там слишком сложно, а ты старше и умнее. – Я раскрыла книгу перед ним и пролиставала

все предисловия до первой страницы, придерживая её пальцами. – Как дочитаешь – скажешь. – Я распахнула и свою, уткнувшись в неё почти носом. С такой увлеченностью никогда не станешь учить уроки, не в одиночестве, не с подругой. От этих знаний зависело всё, и моё и его. И какая-то удаль невольно поселялась в мозгу, ему хотелось трудиться и доискиваться правды среди гор информации. Рядом был Лухань, неощутимый, но всё равно пребывающий тут.

– Я всё, – сказал он. Отвлечшись от чтения, я перекинула страницу и продолжала держать разворот, чтобы он не захлопнулся. Минуты пошли за минутами, перетекая в часы. Исследование путаных теорий обещало нам спасение, и мы погружались в него с головой. Я перелистывала книги обеими руками, и когда Лухань прочитывал быстрее и окликивал меня, мы поглядывали друг на друга, забавляясь своим занятием, наслаждаясь присутствием друг друга. Он лучился радостью. Я была почти счастлива. Это так здорово, лежать вот так вместе, даже молча, даже не касаясь. Просто зная, что вот оно, создание, которое тебя любит, которое ты любишь. Половинка. – Речь идёт о карме, – бормотал Лухань, улавливая основную идею произведения, – кармическая цепочка превращается в бесконечно замкнутый круг. Из-за неправильных поступков, недопустимых действий и даже желаний, от которых нужно освободиться, чтобы разорвать вечное пребывание в этом мире и возвращение в него... а что у тебя?

– Тут разное... один пишет, что душа должна прожить три вида жизни, возродиться трижды, как человек, животное, и растение – они верили, что у растений тоже есть душа, – и тогда...

– Ну, растениями и животными мы ни разу не были, – засмеялся Лухань в лежащие перед лицом руки, в которые он то утыкался, и оттуда торчали только любопытные глаза, бегающие по строчкам, то клал на них подбородок сверху, рассуждая. – Да и жизнью случилось куда больше трех.

– Хорошо, тогда другое: метемпсихоз – это духовное обновление, как бы рождение заново с целью совершенствования. Это так же называется палингенезией и обозначает, что перерождение может быть и прижизненным процессом, как повышение уровня. Прокачка персонажа, – захихикала я.

– Прокачка? – недоумевающее поглядел на меня Лухань. Удивившись, что он не понял меня, я медленно осознала причину его неосведомленности.

– Ты никогда не играл в компьютер, – обозначила я. Он кивнул.

– Только потому, что я знаю о нем и почти всём, что творится в нынешнем мире, я подозреваю, что был на земле человеком ещё семнадцать лет назад. – Я задумчиво порасматривала его и пришла к выводу:

– Я рада, что ты именно такой. Немного устаревший, – мягко обозвала его я. Он понял и засиял глазами. – Это куда лучше, чем те парни, которых я встречаю постоянно в шко-

ле. – Пауза, застывшая от того, что мы любовались друг другом. Бессловесно, эмоционально, бесконтактно. Я тряхнула волосами. – Но вернёмся к нашей науке!

– Да, вернемся, – подтвердил Лухань и опять лег, глядя перед собой. – Это повышение уровня у греков смахивает на избавление от кармы у индусов. Всё сводится к тому, что надо как-то преобразовать себя благими и правильными поступками, чтобы стать лучше и заслужить после смерти чего-то хорошего.

– Но если ты не можешь больше совершать никаких поступков, ни положительных, ни отрицательных, то как же?.. – Я осеклась, испугано округлив глаза. – Значит, виновата я, да? Ты чистый дух, ты разорвал связь с этим миром, у тебя получилось! А я осталась тут... проблема во мне... это я... я что-то не так сделала... не сделала чего-то...

– Перестань! Это вовсе не обозначает этого, – попытался меня успокоить Лухань, опять напрасно протянув руку и поведив ею возле меня, по мне, но сквозь. Я угомонилась со своими догадками, чтобы не разочаровывать его. – Кто тебе сказал, что нужно вырваться именно из этого мира? Что он – наказание? А если суть в том, чтобы родиться более удачно, здоровым и счастливым. Выходит, наказан я. Разве похоже на то, что я более благодетельствован, чем ты?

– То, что этот мир – отхожая яма, не нуждается в доказательствах, – усмехнулась я. – Достаточно того, как нас раз-

лучали столько раз во все времена! Если в нем безмятежно не может существовать любовь, о какой его красоте и порядочности вообще можно говорить? Я ненавижу этот мир!

– Вот, может, для этого тебя тут и оставили, – вкрадчиво улыбнулся Лухань. – Чтобы ты его полюбила.

– Именно поэтому я не верю в существование никаких высших сил. В этом нет логики, заставить полюбить человека что-то, показывая только отвратительные, неприятные и жестокие вещи. Почему бы не смилостивиться, не даровать счастье? Трудно будет отказать в любви такому миру.

– Ладно, пес с ними, я тоже ничего не понимаю в делах веры и религии. Есть ещё теории? – кивнул он на книгу.

– Платон говорит о связи души и звезд... он вообще считал, что душа одна единственная во Вселенной, и её части живут в людях, а когда они умирают, то воссоединяются с первоначальной основой.

– Судя по тому, что я ни с чем не воссоединился, теория хромает, – подытожил Лухань.

– Кстати, именно Платон первым записал миф о половинках, – подмигнула я. – Хоть в чем-то же он прав?

– Прав, – признал мой возлюбленный и мы, подведя ладонь к ладони, смотрели на то, как они держатся, совсем рядом. Ну и пусть мы ничего не ощущаем. Зато чувствуем.

– Ты где была так долго опять? – Услышала я с кухни строгий голос отца. После неозвученного примирения, отно-

шения с родителями шли ровно, и я, разувшись, заглянула к ним с матерью, сидевшим за столом. Он читал газету, а она резала что-то к ужину.

– Задержалась в библиотеке, зачиталась. – В доказательство потрясла я рюкзаком за спиной, набитым книгами.

– Не забывай в следующий раз поглядывать на время. – Папа отвлекся от газеты и взглянул за окно. – Там уже темнеет! Ну, хорошо ли школьнице в такой час ходить по улицам? Позвони в следующий раз, я тебя встречу.

– Не стоит! – удерживая панику, замахала рукой я. – Я постараюсь больше не задерживаться.

– Неужели в наше время чего-то нет в компьютере? Могла бы и дома заниматься, – посетовала мама. Ох, как же тяжело быть единственной дочерью!

– Действительно, некоторых книг в сети не найти, – пожала я плечами. А ещё там не найти Луханя, который не матричный код и не искусственный интеллект, не робот и не виртуальная реальность. Он призрак. Настоящий. И об этом в интернете тоже ничего неизвестно.

* * *

Сидя в углу и перебирая шелковые струны гучжен², я смотрела на него, такого прекрасного, лучезарного и ясноликого, о котором могла бы мечтать любая девушка Пекина,

² гучжен – щипковый музыкальный инструмент в Китае

при дворе императора Сяньфэна, потому что ни одна простолюдинка не смела и помыслить о столь восхитительном юноше. Не знаю, какой удаче была обязана я, ведь и дочерей придворных и чиновников во дворце хватало, но выбрал он именно меня. Я могла быть спокойна и наслаждаться его созерцанием в ожидании самого важного события моей, пока что такой короткой, жизни – заключения нашего брака, который наши почтенные родители обещали устроить через неделю.

Мы познакомились около года назад и, судьба была щедра, смогли вскоре увидеться наедине, встретившись на прогулке в весеннем саду, где Лухань признался в своей симпатии под звук тревожащей сердце флейты, талантливо преобразовывающийся в радужно-струящуюся музыку руками одинокого музыканта под зеленеющей кроной с набухшими почками будущих цветов, и пообещал договориться семьями о том, чтобы мы стали законными супругами. Но восстание крестьян, объявивших о желании свергнуть династию и организовать своё государство вместо империи Цин, внесло смуту и исправило все планы по-своему. На юг отправлялись полководцы, управляющие, армия и тысячи солдат. Снаряжались мужи отовсюду, облачаясь в доспехи и крепя к поясам оружие. Лухань, разумеется, не мог не отправиться туда, предводительствуя отрядом и укрощая мятежников.

Тайпины всё ещё не были повержены, но, пользуясь

небольшой передышкой, мой возлюбленный вернулся и сразу же обратился к моим родителям с прошением моей руки. Согласие было дано. Я была самой счастливой девушкой на свете! Струна разладилась и прозвучала фальшиво, что тут же обратило на меня внимание моей матери.

– Что с тобой? – Я вовремя не подтянула струну, засмотревшись на Луханя исподлобья, и покраснела, пойманная на невнимательности. Он тоже осторожно поглядел в мою сторону.

– Простите, – извинившись, я наладила гучжен и продолжила извлекать из него музыку, но была остановлена родственником моего жениха. Самые близкие собрались здесь, чтобы засвидетельствовать помолвку.

– Я предлагаю выпить, – сказал он и дал приказ служанкам принести рисового вина. – Такое событие нужно отметить! Не каждый день такие достойные, равные друг другу по красоте и уму, высокородности и чести молодые находят друг друга и сговариваются о союзе.

Прислуга вошла с графином и стаканами и, разлив на всех, разнесла каждому присутствующему его порцию. Мать дала одобрителный знак отложить инструмент и подойти в круг. Мы стали с Луханем ближе, нас разделяли каких-то два метра. Смущаясь, но не в силах перебороть себя, мы украдкой посылали друг другу улыбки.

– Возблагодарим милосердие Неба и духов предков! – торжественно объявил мужчина и осушил чашу. Осторож-

ными глотками, я пила предложенное, над краями чашки смотря на Луханя. Он делал то же самое. Пока никто не наблюдал за нами, несколько секунд тайного немого разговора глазами. Совсем скоро мы сможем смело принадлежать друг другу, но пока ещё надо соблюдать приличия.

Оставив половину слишком крепкого для меня напитка, я вернулась в свой угол и стала укладывать свою цитру³ на колени. Старшие заговорили о делах и подготовке. Женщин здесь было больше, и Лухань не мог спокойно сидеть, ощущая себя инородным звеном. Желудок возмутился тому, что я выпила спиртное, и подарил мне слабую боль. Пытаясь не обратить внимания на этот дискомфорт, я занесла руки над струнами. Боль повторилась. Замерев, я прислушалась к ней, надеясь, что теперь-то она утихнет. Но вместо этого, усилившись и придя вновь, она стала стремительно разрастаться и исходить уже не только из желудка, но и из груди, печени, самого низа живота. Огонь ожег меня внутри, и я вскрикнула.

– Что случилось? – первой среагировала моя мать, сидевшая ближе всех. На её лице отразилось нешуточное беспокойство. Она увидела что-то такое во мне, что испугало меня через неё. Я ощутила выступивший на лбу пот. Что происходит?

– А-а! – прокричав снова, я стихнула с себя гучжен и встала, надеясь, что сменив положение тела, я как-то избав-

³ цитра – вид щипковых инструментов, к которому и относится гучжен

люсь от терзаний, охватывающих меня целиком. – О, небесные силы! – простонав, я закачалась. Лухань, растолкав всех, кто стоял на его пути, успел подбежать тогда, когда я валилась с ног.

– Что с тобой?! – Непонимающе подхватив меня, он всматривался в моё белеющее лицо. Позвав меня по имени, он заметил, что я перестаю моментально отзываться.

– Что это за болезнь? – раздался голос какой-то из жещин за его спиной.

– Это не болезнь, это яд! – крикнул он, посмотрев на недопитую чашку. – Лекаря, скорее! Ведите сюда лекаря!

– Лухань... – слабо прошептала я, скованная болью до судорог, которые не давали мне ничего делать, кроме как скрючиться и стремительно умирать. – Лухань...

– Я здесь, здесь! – держа меня за руку, тряс её он. – Где же лекарь? Почему служанка так долго? – Он не подпустил ко мне сестер и мать, накрыв меня собой, не упуская ни мгновения моих, пока ещё порывающихся быть, вдохов. – Живи, пожалуйста, потерпи немного... мы найдём противоядие...

– Не могу, как же больно! – взвыла я, схватившись за живот и выгнувшись на его коленях. – Как же... а-а!

– Сейчас, сейчас... – уговаривал он, бесстыдно поцеловав руки и моё лицо при всех. Но почему-то никто не вмешался, никто не сказал, что он опорочит меня тем, словно всё уже было решено. Нет, почему? Я не хочу умирать!

– Ей уже не поможешь, – ударил голос его дяди откуда-то.

– Что? Как это – не поможешь?! – Лухань сжал меня крепче, никого не слушая. – Ты же останешься со мной? Как ты можешь теперь... кто это сделал? Кто?! – Свет в моих глазах потухал и он, уверившись в том, что конца не миновать, схватился за мою чашку. Наблюдая, что он делает, я попыталась остановить его руку, но сил не хватило. Никто другой не успел помешать ему. Он опрокинул содержимое внутрь себя. – Тогда ничего не поможет нам обоим.

Ещё ощущая резь под ребрами и жар во всем теле, я открыла глаза, досмотрев последний эпизод из ранее не виденных. Значит, мы оба совершали в прошлом грех самоубийства. Он выпил яд, предназначенный мне, чтобы не отпустить меня одну, а я упала на меч в другой жизни, когда увидела, что его пронзила вражеская стрела.

– Меня отравила кузина, – откуда-то зная это, вдруг сказала я. Возможно, пройдя через тот свет, я захватила с собой кое-что из сокрытого. – Она хотела выйти за тебя замуж сама, и надеялась, что после моей смерти ты обратишь свой взор к ней. Интересно, её разоблачили?

– Не знаю, – пожал плечами Лухань. – Я умер на минуту позже. – Мы трагично выдержали минуту молчания, после которой, вдруг, я звонко рассмеялась, показавшись себе безбожницей и хамкой.

– Боже, какая это всё глупость! – Не выдержав, подскочила я и заходила по комнате, поглядывая на улицу. До заката около часа. Надо бы собираться домой. – Говорить о смерти, при всех этих обстоятельствах... она праздник, по сравнению с той жизнью, которая нам даётся! Всё слишком быстро и неясно. Допустим, какой-то там Высший Небесный высоконравственный и чересчур моральный Владыка не даёт нам соединиться физически – и это в мире, полном свободного секса, разврата и тупых извращений! – Но почему нам ни разу не довелось даже пожениться? Обвенчаться, дойти до алтаря, до заключения брака. Самое далеко зашедшее, что между нами было – это поцелуи!

– Я тоже обратил на это внимание, – согласился Лухань и встал с пола, подойдя к подоконнику. Он знал, что я скоро уйду и уже начинал томиться одиночеством и скучать по моему присутствию. Когда он приближался к источнику света, то становился ещё невидимее, лучи застили и он тонул в них. – В заднем флигеле особняка есть домовая часовня. Как ты думаешь, что если попытаться?..

Я остолбенела. Это то, чего я хотела сквозь века, но в этот раз... как обвенчаться с приведением? Пойдет ли на такое хоть один священник? Эта мысль поработила моё сознание.

– Давай разберемся с этим завтра? – испугавшись, что увлекусь и опять забудусь за удовольствием в компании Луханя, попросила я. – Мне пора, а после школы, как обычно, приду. И ты покажешь мне часовню.

* * *

Холодные плиты пола ухали под нашими... то есть, только под моими ступнями, выпуская под невысокий купол крылатое эхо. Заалтарный витраж пропускал цветные блики в проход между левыми и правыми рядами сидений, предусмотренных в католических храмах, смешивая розоватый и синеватый луч в фиолетовый, а между голубоватым и желтым светом образуя зеленые наплывы. Мы оказались между скамьями, пройдя неф с короткими колонками, которые и колоннами-то не назовешь, после присущей соборам колоннаде, виденной мною в других местах. Здесь было величественно и вместе с тем по-домашнему. Лухань остановился на шаг впереди, разглядывая деревянное распятие прямо по центру, с облезшей позолотой и двумя красными пятнами на теле Христа, из положенных четырех. Кровяные подтеки из краски на одной руке и под ребрами забрало время. Времени присуще забирать всё, кроме, как выясняется, любви. Я много раз задавалась вопросом, что же сильнее, жизнь или смерть? И вот, выходит, люди не всё знают о главных составляющих этого Космоса. Есть любовь, и плевать она хотела на временно-пространственные законы. Она не подчиняется измерениям, она вне их, выше их.

– Подойдем? – указал Лухань на алтарь, оставшийся без покрова, без каких-либо ещё принадлежностей. Пустая ка-

федра для проповедей перед паствой. Из стада только два невинных агнца, принесенных в жертву несовпадению. Я тронулась, и мы оказались там, где когда-то велась служба. Воображение подкинуло фоном грегорианское пение, оно бы подошло к случаю, если бы ещё и орган заиграл. Есть ли он тут? Я завертела головой, не находя.

– Знаешь, есть фильм, мюзикл и книга, кажется, «Фантом оперы». – Заметив, что Лухань встал на колени перед алтарем, я повторила его действие. Он внимательно меня слушал. – Главная героиня думает, что имеет дело с фантомом, призраком, которого слышит, и даже иногда видит, но никак не может убедиться, что он существует. Но в конце оказывается, что он всё же человек, и иллюзией была его иллюзорность.

– К сожалению, это не наш случай, – с иронией заметил Лухань.

– Откуда знать? Что если однажды мы проснемся, и всё окажется совсем иначе?

– Скорее бы настал такой день.

– С другой стороны, – возводя взгляд к потолку, где остролистно упирались в свод скромные барельефы, рассуждала я. – Вдруг наша ситуация – это награда? Ну, смотри. Когда мы оба были живы, то кто-то один или оба запросто умирали. А теперь? Ты не заболеешь, не поранишься, не умрешь, – наивно сказала я, и незаметно помрачнела. Лухань проницательно угадал причину.

– Но ты всё равно не можешь знать, что я не исчезну, – изрек он. – Как и я, больше всего на свете боюсь, что с тобой что-то случится. Каждый раз, когда ты выходишь отсюда... мне хочется выть и биться о стены, но они не выпускают, не давая даже ощутить себя. Просто глухая защита, которая отталкивает.

– Ничто не длится вечно, – скорее призывая такую возможность, чем веря в неё, произнесла я. – Однажды всё изменится. Разве мы спешим? Нет. Мы будем ждать, пока что-то пойдёт иначе.

– Дай руку, – попросил Лухань. Удивившись, я подождала в нерешительности немного, но выполнила его просьбу, подняв ладонь. – Нет, не так, – улыбнулся он, волнуясь. – Вниз ладонью, как будто бы она лежит на моей. – Он поднял свою и я, имитируя соприкосновение, повесила руку над его. В тени церквушки его силуэт очень хорошо различим, почти каждая черточка, каждая морщинка в уголках глаз, когда они щурятся, веселясь. – Ты выйдешь за меня замуж? – кратко вымолвил он. Мои ресницы вздрогнули. Он... его взгляд, его губы... Лухань... я люблю тебя, как же я люблю тебя! Но как, как я выйду за тебя замуж?! Ты понимаешь это или нет? Или, и понимая, всё равно хочешь не замечать преград, не думать о них? Я тоже не хочу, не буду разделять нас с тобой, словно ты не такой, словно мы разведены по разные стороны чего-то. Это неправда! Мы всегда вместе! Я втянула носом подобрывшиеся слезы, но они просочились через гла-

за. Нейтрализуя их, я расплылась в улыбке, и две слезы съехали по лицу поверх неё.

– Да, – ответила я, погладив поверхность его ладони. Пространство в том месте, где она подразумевалась. – Я выйду за тебя, и пусть это не получится, я всё равно твоя. Жена, супруга, возлюбленная.

– Может, и не получится, но я бы хотел попробовать. – Отвлекшись, Лухань осмотрел помещение часовни. – Ты могла бы пригласить сюда священника?

– Ты, действительно, этого хочешь? – Он с тревогой вззрился на меня.

– А ты – нет?

– Хочу. – Моё желание никак не влияло на то, как воспримется сторонним человеком вся эта история.

Мы устремили взоры на распятие, единственное, что выделялось, за неимением прочей атрибутики. Витраж засвечивал его, и оно казалось темной тенью креста. Правда ли, что все несут свой крест, и он даётся по силам? А как же быть с теми, кто кончает с собой? Выходит, есть те, кто не выдерживает? Их тут же приписывают в грешники, чтобы никто не смел отречься от мук и тянул существование, каким бы оно не было. Нет, христианская идеология была чужда мне, но Лухань, кажется, доверял ей. Возможно, потому что жил в последний раз ещё не в двадцать первом веке. Я стала подниматься, не проникнувшись доверием к здешней святости. Но венчание – это то, что было доступно нам, как

обряд вступления в брак, потому что документов у привидения нет, и печати в паспорт мне не ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.